

РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА КАК ЯЗЫКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В статье рассмотрены роль и значимость одного из языков духовной культуры – текста произведений классической художественной литературы – в социально-культурном пространстве России.

Ключевые слова: культура, общество, текст, художественное произведение, классика, интерпретация.

N.V. Khudoley

THE CLASSICAL LITERARY TEXT ROLE AS SPIRITUAL CULTURE LANGUAGE IN RUSSIA SOCIOCULTURAL SPACE

The role and significance of one of the spiritual culture languages – classical literature text – in Russia sociocultural space are considered in the article.

Key words: culture, society, text, work of art, classics, interpretation.

Литературный текст является одной из форм языка духовной культуры и представляет собой универсальную форму осмысления действительности, в которую заключены социальные, нравственные, эстетические искания многих поколений людей. Литературный текст художественного произведения – это школа человековедения, возможность искать и находить ответы на основополагающие вопросы бытия. В России в силу сложившихся исторических и общественно-литературных условий, в ситуациях с непрерывным и бесцеремонно жестким цензурным вмешательством именно в литературных текстах, в особенности в художественной литературе, нашли свое выражение умонастроения людей, их образ мыслей, психологический облик, особенности национального характера, а также основные идеи и конфликты эпохи, иногда читавшиеся «между строк». В отдельные периоды российской истории русская литература выполняла объединяющую общество функцию, не давая нации забыть о своем единстве, и тем самым «заменила собой государство, когда государство распалось, ... укрепляла у народа сознание своего единства, напоминала о славной истории, продолжала культурные и политические традиции» [3, с.552]. В текстах произведений русской классической литературы ставились и решались сложные нравственные и общественные вопросы, а «творцами русской классической литературы выступали авторы, обладавшие громадной общественной ответственностью» [4, с. 143].

В культуре всегда высоко ценилась и ценится классика. «Классическое» означает эталонное, всегда актуальное, одинаково высоко оцениваемое современниками и потомками. Произведения классической литературы являются образцовыми в плане выбора темы, идеи, языка. В них ставятся и глубоко изучаются нравственные, социальные, исторические вопросы; создается новый тип литературного лирического героя, который затем становится героем нарицательным и выражает актуальное во все времена определенное мировоззрение.

Слово в литературном художественном произведении всегда контекстуально, погружено в контекст культуры и культурной традиции и функционирует как носитель или знак этой традиции (Лотман Ю.М.). В тексте художественного произведения слово обогащается новыми значениями и смыслами, становясь многозначным. Такая лексическая многозначность создает предпосылки для переакцентировки содержания литературного текста воспринимающим сознанием. Этим отчасти объясняется наличие множественных и иногда противоположных по смыслу интерпретаций одного и того же текста художественного произведения. Однако стоит отметить, что вне зависимости от степени погруженности в тот или иной культурный контекст язык произведения классической литературы характеризуется емкостью и присутствием практически в каждой фразе глобального, обобщенного смысла. Таким образом, классическое произведение, являясь изначально откликом на злободневное событие своего времени, перерастает в «вечное» произведение, выходящее на уровень актуальных в любую эпоху социальных, нравственных и философских обобщений.

В процессе постепенного продвижения нашей страны на мировое культурное пространство именно тексты художественных произведений заставили Европу по-новому взглянуть на Россию и разглядеть ее

самобытность: «В первой половине XX века много было на Западе разговоров о «загадочной» русской душе. О ней заговорили потому, что увидели в русском человеке нечто неповторимо национальное, характерное именно для русских. А увидели это через призму великой русской литературы» [2, с. 103]. Н.А. Бердяев называл русскую литературу «величайшим памятником русского духа» [1, с.63], отмечал ее «профетичность» как одну из основополагающих черт. Русская литература вся проникнута поиском Бога, поэтому многие писатели XIX–XX вв. обращались к Библии и ее сюжетам для того, чтобы раскрыть наиболее важные и сложные проблемы современности. Говоря о русских писателях XIX века, Н. Бердяев подчеркивал, что они ищут совершенной правды жизни, и в этом смысле они выходят за пределы искусства: «обличением неправды существующего общества, исканием правды, литература исполняла социальную миссию, которая, согласно русскому духовному складу у многих была миссией религиозно-социальной» [1, с. 65]. Д.С. Мережковский, рассуждая о судьбе русской культуры и о ведущей роли в ней литературы, справедливо отметил, что «падение ...русской литературы есть в то же время падение русского духа; это бедствие для нас не менее страшное, чем война, болезни и голод» [6]. Д.С. Лихачев, рассуждая о процессе становления и развития культуры в обществе, ввел термин «гомосфера»: здесь человек с самого рождения впитывает в себя язык, письменность, науку, традиции, обычаи и культуру, созданные тысячами поколений людей. Он отмечал, что «в этой гомосфере огромную роль играет литература, через которую человеку передаются нравственные и эстетические представления. Эта передача совершается непосредственно, когда человек читает, слушает или воспроизводит тексты. ... Но передача совершается и опосредованно, когда человек воспринимает ценности литературы через других, через сформированные под влиянием литературы в обществе нравственные понятия, нормы поведения и эстетические представления. Роль литературы огромна, и счастлив тот народ, который имеет великую литературу на своем родном языке. Литература обогащает гомосферу в высокой сфере» [5, с. 265–266].

Все вышесказанное позволяет нам в полной мере согласиться с мнением Д.С. Лихачева о том, что «в России ...нацией стала литература» [4, с. 116]. С другой стороны, невозможно игнорировать ситуацию, ставшую результатом политических и социальных перемен, происходящих в нашем обществе с 90-х годов прошлого века. Несмотря на очевидную вневременную актуальность классики, нельзя с уверенностью сказать, что на сегодняшний день привычка к чтению является для наших современников и соотечественников необходимостью. Что касается классического литературного наследия, то для большинства современной молодежи классика скучна и безжизненна, а ее незнание вызывает гораздо меньший дискомфорт, чем, например, компьютерная неграмотность. Процесс глобализации, в котором живет сегодняшнее общество, неизбежно ведет к унификации культур и утрате их национальных особенностей, причем культурное доминирование остается за культурами наиболее экономически развитых стран: на сегодня – это экспансия американско-европейской культуры, навязывающей несвойственную, чуждую нам систему ценностей. Последствия этой культурной экспансии уже дают о себе знать: это падение уровня грамотности наших сограждан, понижение статуса русского языка на постсоветском пространстве, утрата авторитета «самой читающей страны» и снижение интереса к чтению в целом и, в частности, произведений русской классики, которые вошли в национальный канон, в национальную систему координат, отражающую особенности нашего менталитета.

Развивающаяся история на каждом этапе обновляет и углубляет свои представления о прошлом, о накопленном. Текст художественного произведения является носителем этой информации и хранителем культурной памяти. На наш взгляд, унификация мышления, которая неизбежно будет являться следствием культурной глобализации, постепенно приводит к утрате культурной памяти. Утрата культурной памяти, в свою очередь, порождает сложности в процессе текстовой интерпретации, к ее искажениям, привнесению чуждых произведению тенденций, произволу субъективистских его истолкований. И дело здесь не только во временном расстоянии, которое разделяет автора и интерпретатора; и не только в свойстве текста, а в особенности текста классического вбирать в себя «максимальную смысловую емкость – «губчатость», способность впитывать все новое и новое содержание. С той же энергией, с какой классика вторгается в наше время и отчеканивает его облик, она сама вбирает открытый, текучий смысл времени» [8, с. 85], заставляя каждое следующее поколение читать себя заново, «свежими, нынешними очами» (Гоголь Н.). Унификация мышления и утрата культурной памяти проявляются в незнании культурно-исторического фона, на котором создавалось и первоначально функционировало произведение, или даже в намеренном его искажении с целью «подогнать» произведение под свою интерпретаторскую версию в ущерб авторской художественной концепции.

Поэтому на сегодняшний день в искусстве существует большое количество современных, «новаторских» интерпретаций текстов классических художественных произведений, где новизна лишь

дискредитирует художественные святыни, уводит от первоначального, авторского замысла, разрушает художественную концепцию произведения, уродуя его до неузнаваемости.

И хотя существует точка зрения, что литературное художественное произведение должно наделяться презумпцией незавершенности, давая возможность для интерпретаторского со-творчества, все же должна существовать мера точности в изучении и истолковании художественного произведения. Диалог между автором, современником и потомком возможен только при условии бережного отношения последнего к концептуальной сущности произведения, умения распознать за новой внешней формой произведения его духовную суть, а также передать эту суть современными средствами.

В заключение хочется отметить, что обращение к теме классики в эпоху модернизации и нанотехнологий может рассматриваться как вызов. Одна из особых черт классики – ее бытийность, онтологический критерий. Классика отвечает на вечные, универсальные вопросы человеческого бытия. Эта универсальность является парадоксальной: каждое новое поколение читателей по-новому интерпретирует вечные, бытийные темы. Именно бытийность классики, ее способность запечатлеть в тексте антропологические и онтологические универсалии, некий комплекс вечных, надвременных идеологий определяет ее ценность для читателей, давая возможность вневременного диалога между автором, текстом и интерпретатором: «Классический текст – средство *обнаружения бытия*, он овеществляет его, делает воспринимаемым. Классика – это свидетельство о том запредельном, что тем не менее есть. Она дает нам откровение трансцендентного. Классический текст есть явленная структура бытия. Он не сочиняется, но извлекается из порядка мира, и в этом главная причина его притягательности. ...Следуя течению текста, мы обнаруживаем себя в пространстве невозможного опыта, в присутствии невербализуемой реальности. Это возможно потому, что исходным импульсом автора служило метафизическое переживание, соприкосновение с теми модусами реальности, где она обнаруживает свою истину, незримую для обыденного сознания. Таким образом, совершенный текст, будучи фактом языка, фиксированной последовательностью знаков, хранит потенцию развертывания диалога читателя и автора, в котором осуществляется предстояние обоим истине бытия» [7, с. 64].

Онтологичность классики, ее обращенность к «истине бытия», а также эстетизм изложения ведут к тому, что читатель, всякий раз соприкасаясь с классическим текстом, получает возможность нового эстетического опыта: удивления, захваченности, восторга. Время здесь выступает как оценщик, способствуя «наращиванию культурной ауры текста, насыщению его новыми смыслами..., усиливая энергетику текста и создавая вокруг него обширное незримое братство читателей» [7, с. 63]. Классика заключает в себе сущность понимания вечных ценностей, а это, в свою очередь, ощущает читатель, подсознательно стремящийся к соприкосновению с ними: «Похоже, что природа человека при всей своей пластичности обладает тем не менее некоторыми антропологическими константами, и классика с ними вступает в резонанс, интенсифицируя проживание и иницируя процессы устроения личности» [7, с. 65], утверждая существование совершенных вещей в любые времена, заставляя человека сделаться человеком.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Русская литература XIX века и ее пророчества // Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. *Волков Г.Н.* Я числюсь по России // Три лика культуры. – М.: Мол. гвардия, 1986. – 335 с.
3. *Лихачев Д.С.* Культура и мы // Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. – С. 537–561.
4. *Лихачев Д.С.* Разное о литературе // Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. – С.116–209.
5. *Лихачев Д.С.* О культуре // Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. – С. 257–293.
6. *Мережковский Д.С.* Русская поэзия и русская культура // О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы. – URL: <http://modernlib.ru/books/>.
7. *Михайлова М.В., Пигров К.С.* Что такое классика? Вечные собеседники // Вопросы культурологии. – 2011. – № 8. – С. 61–65.
8. *Эпштейн М.Н.* Новое в классике (Державин, Пушкин, Блок в современном восприятии) // Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Сов. писатель, 1988. – С. 82–119.